

О. М. Ноговицын

ИЗ «12 ЛЕКЦИЙ О ДОСОКРАТИКАХ»¹

Бог абсолютен по своему определению, отсюда может показаться, что язычество — просто недоразвитость религии, дух еще не дорос до чего-то; однако это лишь негативное, отрицательное определение.

Греческое язычество (как и всякое другое) имеет целью перенести аспект от «что» к «как», от содержания к форме. Язычество подчеркивает, что не существует просто бытия, данного бытия, а существует как бы язык представления этого бытия. В мире Аполлона мы описываем бытие с точки зрения красоты в противоположность безобразию. Но суверенность формы и бытия в форме достигается ценой отказа от единого истинного бытия и признания множества языков описания. Равно достойных. Есть множество богов, и каждый из них абсолютен в себе и рядоположен другим.

Зевс только потому во главе богов, что он выражает идею власти, которая — только одна из идей.

Человек властен над бытием, потому что властен выбрать форму существования. Это простейшая и наивнейшая форма власти мысли, т. к. выбирая одного бога, он отказывается от другого. Власть формы над содержанием полноценно, но наивно выражена в греческом язычестве.

Абсолютного бытия в язычестве нет. Этот вопрос лишен смысла. Вместо этого выступает чистое делание, мастерство.

Вопрос «что» потонул, исчез, размазался во множестве описаний. Но «описание» вне того, «что» есть и «что» описывается, есть делание.

Нечего созерцать, находиться можно лишь в делании (т. е. не «как ты делаешь», а «что ты делаешь»).

У греков поэтому нет идеологии, т.к. нет иерархии ценностей. Если бы присутствовала иерархия ценностей, она отсылала бы нас к что.

Но среди богов нет лучших и худших. Каждый бог — бог. Бытия не существует, поэтому нет ничего абсолютного. Греческое язычество отвергает саму возможность морализировать. Где нет иерархии ценностей — понятно, нет и ценностей.

Мифология и жизнь — вещи разные. Важно то, о чем мечтал народ. Греки оставили нам образцы искусства бездельного, бессмысленного (в том смысле, который указан выше). Творчество как таковое, мастерство ради мастерства, отсюда — трагичность язычества, т.к. проблема смысла для греков остается, но нет возможности ее решить; хаос и судьба для греков реальные вещи.

Для греков трагедия — высшая форма искусства, а основная тема: отношение героя и рока. Герой — человек, который искусен, но его бытие подчинено року. Смысла у его достоинств нет. Одолев бытие в форме искусства, он оказывается под властью бытия в форме рока.

Прометей знает будущее, а Зевс нет. Знание бессильно, а Зевс всемогущ, но не знает. Человек-мастер застаёт себя в бессмыслии. Если я человек-мастер, но не могу даже подойти к единому смыслу, то внутри меня как личности ничего нет. Макро и микрокосм для греков — одно и то же. Человек-мастер понимает трагизм мастерства, когда смысл выходит за рамки мастерства.

Язычество дает отчетливое представление о духе как форме.

Человек властвует над миром, мир властвует над человеком. «Нет ничего, кроме текста» — тезис постмодернизма. Язычество — бытие в тексте, а текст есть господство формы над содержанием. Проблема интерпретации текста. Даже если текст единственен, то он распадается на множество интерпретаций.

Аристотель «Никомахова этика»: «Благо — значит делать тогда, когда нужно, где нужно, сколько нужно, что нужно», т. е. благо — мера. Мера —

воплощенная форма, выражение мастерства. Не важно, что ты делаешь, а важно, как ты делаешь. (Нельзя меру противопоставлять страсти, мера не умеренность, мера — суть страсти как искусства.) Греки в мифологии начинают с меры и в философии Аристотеля заканчивают ею. Человек, подчиненный мере, — человек-мастер.

* * *

Грехопадение есть впадение в различие добра и зла. Это ни в коем случае не следует понимать как впадение во зло. Наоборот, различие добра и зла, доброго и дурного предполагает стремление к добру и избегание зла. Первым следствием грехопадения была стыдливость Адама и порыв прикрыть «срам». Это и было отпадением от Бога.

Грехопадение — когда человек вместо единственного вопроса бытия, которому (бытию) ничто не противоположно, принимается за различие добра и зла, справедливости и несправедливости и пр.

Испытание Иова длится до тех пор, пока он не перестает искать справедливости и находит Бога. Неточно было бы сказать, что Иов испытывается несправедливостью: в пределах различения справедливости и несправедливости то, что с ним происходит — чистая несправедливость, откровенно допускаемая Богом. Но в Боге нет этого различения, и этому-то и научается Иов.

Можно думать, что в том же положении находится Каин. Каина часто (всегда) трактуют очень просто: выбрал зло и через это отпал от Бога. Но читаем мы только следующее: двое принесли жертву Богу, и одна из жертв принята не была. Почему?

Домысливают так: раз не принята, то за дело. Но в Книге Иова точно так рассуждают друзья Иова, и за это на них обрушивается сугубый гнев Божий. Из книги Иова ясно, что своего праведника Бог испытует тем, что на человеческом грешном языке именуется несправедливостью.

Разве о Каине сказано не то же самое кратко и без пояснений? Для Каина должно быть вопиющей несправедливостью непринятие жертвы, если он, как и Иов, не знает за собой вины. Но Каин взыскуем не справедливостью, а Богом².

Тогда Каин — праведник, подвергаемый самому страшному и последнему испытанию. От него требуется преодолеть условные — в конечном духе — различия и принять абсолютность Бога.

В тексте только одно говорит в пользу такой трактовки. Бог предупреждает Каина о предстоящем, еще не совершенном грехе (грех у порога лежит) после того, как жертва его не принята. Но это можно понять по-разному.

Важнее смысл всего Писания: смысл грехопадения, подробно написанная книга Иова и еще многое другое (притча о виноградарях, о блудном сыне и т. д.).

Текст о Каине не противоречит такой трактовке, а смысл многих мест из Писания подтверждает ее.

Трудно и рискованно проводить параллели между религией и философией. Тем не менее нельзя пройти мимо того, что вера — по-своему тоже есть опыт признания абсолютного Бытия. И не в завершенных конечных формах, свойственных человеческому сознанию, не в морали, науке, праве и пр. Короче говоря, не в мифе.

Как же? Мы будем здесь говорить только о философском пути. Но и относительно мифологии уже было замечено, что греки сознают трагичность множества текстовых интерпретаций бытия. В-себе-достаточность конечного духа порождает трагедию бессмысленного существования.

Миф замыкает дух в самого себя как чисто текстовое, неотправленное к бытию сознание. Отсюда мифологическая ситуация с предсказанием: прорицатель сообщает будущее; человек, узнавший будущее, пытается его изменить и в результате будущее осуществляется для него.

Это попытка человека понять предсказание не как чистый текст, а как нечто, отсылающее к бытию, поэтому он сам, своими руками делает себя персонажем текста, осуществляет этот текст.

Когда человеку открывается предсказание, то ему кажется, что это предсказание «о нем», но на самом деле сам акт прорицания, сам акт узнавания моего будущего входит в мою судьбу. (Молчание — тоже предсказание). Предсказатель делает себя персонажем текста, но на самом деле это предсказание входит в сам текст, а не предсказатель.

Философия по-своему отбрасывает вопрос о добре и зле, о справедливости и др. и переходит к одному вопросу — вопросу о нашем отношении к бытию.

ИЗ КНИГИ «ОНТОЛОГИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ФОРМЫ»³

...почему Иов не язычник, если сознание его деятельно и деятельность определена как добродетель? Является ли именем Бога «Добро»? Существует и более важный вопрос: может ли Иов *сам* отличить, состоит ли его деятельность в служении Богу или добродетели? В Писании события разворачиваются таким образом, что Бог сначала признает Иова праведником, затем принимает вопрос сатаны: «Задаром ли праведен Иов?», и в разъяснение этого вопроса обрушивает через сатану на праведника бесчисленные беды. Праведник подвергается испытанию в праведности. Вопрос сатаны к Богу может быть выражен и так: «Разве праведен праведник?» Смысл вопроса заключается в том, что Иов, служа и приобщаясь к праведности, превращается тем самым в «праведника»; служа добродетели, становится «добродетельным». В этом нет большой беды и, более того, в этом состоит высшая цель, если признать, что определенность формы составляет цель существования. Если же, напротив, исходным является *отношение к форме*, то просто деятельное или телесное служение не может считаться достаточным. Признание формы, например формы добродетели, теперь выражает уже не служение, а, наоборот, собственную уверенность в правильности данной формы, так как человек сознает заданность ему этого «определенного», например добродетельного, существования, в подчинении которому он уже никогда не будет просто *тождествен* существованию. Отождествляясь с существованием, он будет *сознавать*, что *он тождествен существованию*. Иудей-праведник никогда не будет «просто праведником» или «просто праведностью», как музыкант-язычник является «просто музыкой» или воплощенной формой как таковой, а геометр-язычник — «просто самой геометрией», но иудей, поскольку он начинает с самосознания, будет сознавать себя «самой праведностью» или сознавать себя «самой неправедностью».

Когда форма осознана *формой*, то уже невозможно недоумение Сократа по поводу того, как может разумный человек стремиться к чему-то большему,